

Вслед за «Техно»

• Театральное приложение, май 2008

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ПЬЕСЫ

Анна Волкова

Недавно в нашей гимназии прошла очередная театральная неделя. В этом году драматическая студия представила на суд зрителей спектакль по пьесе Евгения Шварца «Тень». В прочтении режиссера пьеса приобрела новое звучание, я бы сказала – второе дыхание.

Многие читали оригинальное произведение Шварца или хотя бы знакомы с содержанием. Первое, что бросается в глаза – режиссером студии В.А. Тереховым сюжет был значительно скорректирован. Пьеса стала реалистичнее, затронула актуальные проблемы и стала ближе нам, гимназистам. Это уже вовсе не сказка, точнее сказать, это теперь – «почти сказка».

Начинается спектакль со сцены обыска в квартире Ученого. «Нехорошие женщины» роются в его бумагах, что-то выискивают. И происходит вся эта ситуация под сопровождение шлягера «Лужайка», заводной, но пустейшей песенки звезды шоу-бизнеса, певицы Юлии Джули. Внешний блеск, вращение в кругу «настоящих людей», бессмысленный репертуар, способный обратить на себя внимание лишь пошлостью и бездарностью – с самого начала спектакль заставляет понять – события его происходят где-то совсем близко к нам.

Обычный, традиционный счастливый конец, где Добро всегда побеждает Зло, был заменен финалом более сложным, неоднозначным, заставляющим зрителя серьезно думать. Зло остается непобежденным. Ученый, оказавшийся один против зла, лицемерия, трусости, лжи, выбрал... жизнь. Христиан-Теодор выбрал свою жизнь. Здесь мы уже не говорим о волшебстве, присущем всем сказкам, не говорим о высоких идеалах, а говорим о жизни и о выборе человека. А что он мог сделать, чтобы уничтожить зло? Ответ озвучен – пожертвовать собой. Тень не может жить без своего хозяина. С одной стороны – страх перед смертью, люди, равнодушные ко всему в этом мире, и с другой – возможность уйти ото всего этого и начать собственную, новую историю. Христиан

выбирает второе. Кто смеет его осудить? Уходит он не один, с собой он забирает Эльзу, единственную, кто его не предал.

Но вот любит ли он ее? Она, искренняя, трогательная, способная любить и не боящаяся защищать свою любовь, оказывается одна в этой маленькой стране, окутанной большим злом. Она идет вслед за Христианом, не думая о себе. Он позвал ее – и она бросает все: дом, отца. За своей слепой любовью она не замечает того, что Ученый просто использует ее: чтобы вызвать ревность Принцессы, чтобы просто не остаться одному.

А Принцесса? Почему же она, влюбившись в Ученого, так быстро отворачивается от него и идет под руку с Тенью, а после опять бросается в руки отвергнутого Ученого? Бесхарактерная, легко поддающаяся влиянию, несерьезная и живущая мимолетными прихотями, она относится к числу так называемых людей-флюгеров. Принцесса готова быть рядом с кем угодно, лишь бы быть с кем-то, быть за кем-то. После ухода Ученого она возвращается к Тени. Она снова надевает черный пояс и садится на трон. Случилось то, чего она больше всего боялась и чему не захотела противостоять, – она стала «лягушкой».

«Лягушкой» ее делает то, что она приняла правила Тени, не захотела отличить правду от лжи, искренность от корысти. Тень входит в ее жизнь незаметно, вместе с любовью к Христиану-Теодору. Он, желая всегда быть рядом с любимой, отправляет свою тень к ней. Вероятно, Ученый и сам не думал, что эти полусхваченные оброненные слова сбудутся, что тень «отделится» и заменит его. Получается, что любовь породила тень? Не думаю. Беда выросла из случайности, неосторожности. Даже случайно сказанное слово имеет свои последствия, иногда очень серьезные. И вот вам совет: внимательнее относитесь к словам и даже мыслям.

Очень интересно обыгрывается ситуация с поглощением Тенью этой маленькой страны. Здесь стоит обратить внимание на детали. С по-

явлением Теодора-Христиана, тени Ученого, в руках актеров появляются зонты. Когда они могут нам пригодиться? Когда идет дождь, когда тучи застилают небо, а в сердцах поселяются грусть и безразличие. К концу спектакля уже у всех жителей города мы видим что-нибудь черное: в одежде, в аксессуарах. Единственные, кто остался нетронутым, оказываются Эльза и Ученый, но они покидают страну, оставив зло царить там.

Почему все жители сказочного государства: придворные, горожане – так легко приняли правила игры Тени? Потому что тот порядок, тот уклад жизни всех их устраивает. Зло лежит в основе тоталитарной власти, оно неискоренимо и существует независимо от воли каждого. Чиновники воруют (это отчетливо показано в эпизодах смены декораций, когда Пьетро и Борджиа растаскивают со сцены все что только возможно – от ширм до инвалидного кресла), стараются подсидеть друг друга. Алчность и жестокость – вот главные действующие лица такой власти.

В заключение, хочется сказать, что тень существует в каждом из нас. Тень – это та оборотная сторона медали, та грязь, те искушения, что живут в каждом. И нужно стараться победить их в себе или хотя бы стараться делать так, чтобы эти пороки оставались тенью, но не вырастали в нечто самостоятельное, обладающее разрушительной мощью, нечто, что способно подчинить нашу жизнь себе...

То, что было создано за этот год, та работа, которая была проведена, была оценена зрителями на «отлично». Хочется сказать вам огромное спасибо за то, что украшаете жизнь гимназии такими блестящими моментами, ведь студия, ее спектакли – это то, что объединяет многие поколения выпускников, учеников, сближает всех нас и делает участниками творческого процесса! Продолжайте радовать нас новыми идеями и никогда не отступайте от своего девиза: «Мы любим вас, мы играем для вас!»

Еще детское время...

Вадим Александрович Терехов:

«В ЭТУ СТУДИЮ Я ВЛЮБЛЕН!»

Традиционный вопрос: как выбрали пьесу?

Ответ будет также традиционным: не было никакого специального, продуманного выбора. Я уже который год лишен такой возможности. Очень трудно найти подходящую по всем параметрам вещь. Их мало. И с каждым годом их на одну меньше. В самом начале я действительно выбирал: эта пьеса нравится, эта нет. Но вот уже лет десять хватаю первую пьесу, которая мне кажется более-менее возможной для постановки. И с «Жестокими играми» так было, и с Мольером.

Но разных пьес на сцене много.

Скорее мало. Я исхожу из принципиальных вопросов, часто из внешних: количество персонажей, мужских и женских ролей, возможность играть их людям молодого возраста, сюжета, который может быть разыгран на школьной все-таки сцене. Это уж потом придумывается, зачем мы ее будем ставить, что хотим ею сказать. Так было и с «Тенью». Вообще эту пьесу я никогда особенно не любил, не считал нужным ставить. Но так вышло.

Каким образом?

Я перечитал десятки пьес. Ничего интересного. От безвыходности мы уже собирались ставить «Обыкновенное чудо» – в третий раз на этой сцене (второй раз, правда, не получилось, не состоялось... Уже репетировали, но не пошло). Я даже принес текст, чтобы читать его на студии. Начал. И чувствую – не то! И вдруг Ева Юрьевна подкинула идею делать «Тень». И другого варианта просто не было! Сначала я был в отчаянии. «Тень» мне категорически не нравилась! И ставить это я не хотел. Как все срослось, я и сам не знаю. Я каждый раз не понимаю, как получается. Каждый год к декабрю-январю осознаешь: какой бред! Это же невозможно смотреть! Как с этим

можно выходить к зрителю?! Никто мне не верит, говорят: «Ну вот, опять хандришь... А потом получится отлично». Но я в тот момент правда считаю, что это плохо, недопустимо плохо. И так каждый год. Без исключений. Кстати, это был семнадцатый мой большой спектакль (я вчера пересчитывал), а вообще двадцать седьмой. Было еще десять «маленьких».

Что значит «маленький» спектакль?

Это значит, что он сугубо «детский», иногда стихотворный, что мы не играем их вечерами; они идут не два часа, а в лучшем случае час или даже полчаса. Но это не значит, что они несерьезные!

Двадцать семь... Цифра... Чем отличается этот год?

Давно в студии не было такой атмосферы взаимопонимания, дружелюбия, желания помогать друг другу. В этом смысле этот год удивительно счастливый. В эту студию я влюблен! Последний раз в таком чистом виде доброжелательность отношений была, страшно сказать, в «Семейном столе», лет семь назад. Я терпеть не могу закулисные интриги, но они все равно просачиваются через какие-то щели: кто-то кого-то подставляет, кто-то на кого-то злится. Я, как могу, борюсь с этим, если узнаю, страшно сержусь, иногда выгоняю. Но в этом году – было легко. Это говорят все. Творческое и человеческое единение – это здорово.

Вернемся к спектаклю. Зачем был изменен финал пьесы? Не слишком ли жесткая концовка для нашего зрителя?

Финал пьесы был изменен потому, что по-другому я не вижу смысла ставить Шварца. Шварц как сказочник, прибегающий к «хеппи-энду», дабы в финале «умаслить» зрителя, сегодня, мне кажется, не интересен. Практически все, что было поставлено или снято по его пьесам за последние тридцать лет, никогда не

ставится чисто «по Шварцу». Те же фильмы Марка Захарова «Обыкновенное чудо», «Убить дракона». Помните! Захаров же все меняет! И мы тоже меняем, мы и «Дракона» когда-то ставили не по тексту, и «Обыкновенное чудо» ужесточали, вставляя туда другую

«подкладку». Современная жизнь жестока, и что дают эти сюсюканья в конце? Хочется, чтобы спектакль отражал то, что происходит, чтобы был зеркалом, а не сказочкой на ночь. У Шварца в финале «Тени» откуда-то берется любовь Ученого к Эльзе. Шварцевский Ученый на фразу Пьетро: «Она в вас влюблена», говорит: «Спасибо». У Шварца это «спасибо» звучит как счастливое открытие. У нас это «спасибо» звучит абсолютно иначе. Просто вежливость. Его не интересуют чувства Эльзы по-настоящему. Он же думает только о Принцессе. И особенно ясно это звучит в исполнении Глеба. Хотя Стас играл сильнее в целом, но два-три момента Глеб доигрывал точнее.

Есть ощущение, что в спектакле есть политический подтекст.

Я его не привносил... Я вообще категорический противник любых политических подтекстов. То, что вы можете их найти, – это ваше

право. Как во всякой глубокой вещи можно найти любые подтексты: философские, нравственные, политические. В «Капитанской дочке» можно найти сегодняшний политический подтекст. Я сам политически индифферентный человек. Я похож на Ученого. Я скорее махну рукой и уйду, если мне не интересно. Подтекст этот входит через «щели в форточке», а не через режиссера, он наполняет зал не через наш замысел, а просто потому, что мы с этим спектаклем все вместе живем в это время, в этой стране. Только поэтому. И мое появление в образе Тени – ничего не означает «политически». Так мне кажется...

Хотя это единственный момент, который я для себя никак не объяснил. Это просто такая эмоциональная точка в конце – дальше понимаете, как хотите. Я не знаю, как это комментировать.

Финал всегда делается долго?

Вернее сказать, финал всегда делается в последние дни. Самую суть финала (что впервые в моей жизни) мне подсказал сын, причем подсказал еще на очень ранней стадии, наверное, в ноябре появилась идея – «а не махнет ли он рукой?» Из этого стал «вырастать» замысел. Христиана в течение пьесы так много раз пытались этому научить! Только у Шварца Христиана учили-учили – не научили, а у нас его учили так усердно, что... научили!

Но научили не люди же?

Конечно. Его научила смерть. Он умер и видел собственную смерть

реально. То есть буквально видел, как падал на него нож гильотины. А пока ему голову не отсекали, он до последнего момента старался бороться.

А потом у студии появилась идея показать еще и то, что остается после того, как он «махнул рукой». А что остается? И мы начали выдумывать, как это изобразить.

На что Христиан махнул рукой?

Он «махнул рукой» на свою активную жизненную позицию. Стоит ли брать на себя ответственность? Стоит ли жертвовать собой, погибать ради того, чтобы... Чтобы Пьетро что? Чтобы Борджиа что? Чтобы Принцесса что? Есть ли здесь хоть одно серьезное «что», ради которого стоит погибать? Он же был влюблен, поэтому ему казалось, что он сейчас всех людей сделает счастливыми. Это так легко, надо всего лишь поделиться своим счастьем. А потом выясняется, что приходится платить. И крупно. А за что? А хочется ли за это платить, тем более такую цену? Здорово у Шварца, что он в этой пьесе доводит ситуацию до абсолюта: если герой готов пойти на самопожертвование, то это самопожертвование полное – чтобы убить Тень, надо убить себя. Так ведь? Пока он жив, Тень жива, с этим ничего не поделаешь.

У него же есть цель – сделать всех людей счастливыми...

А кого он сделает счастливым? Принцесса будет счастлива? Она умеет быть счастливой? А Пьетро с Борджиа, и даже Юлия Джули?

И даже Доктор? Здесь у Шварца точно просматриваются христианские мотивы из-за того, что его герой победил смерть, воскрес. У Шварца, воскреснув, он победил и Тень, она исчезает, убегает. А у нас она остается, потому что пока Ученый жив, с ней ничего сделать невозможно. Только так. Причем у нас есть еще один момент, который отсутствует у Шварца, Тень его – отпускает. По логике она должна бояться ухода Ученого (она же сначала пыталась его уговорить остаться), а потом почему-то отпускает.

Да, потому что Тень уже не боится, что тот что-нибудь с со-бой сделает. Тень видела, что Христиан уже сломан, что ему просто хочется жить. А какая разница где: в Швейцарии, в Голландии, в Австралии... Он будет жить, и Тень будет жить – все, он может идти, куда хочет. «Ты будешь жить, дорогой мой, ты ничего теперь с собой не сделаешь!» – это тоже победа Тени.

А потом мы придумали самый финал, когда повелители сидят на троне уже после затемнения. Тень сидит вместе с Принцессой, холодные, жестокие. На самом деле, у меня была другая идея финала (только я о ней ни за что не расскажу), но студия ее отвергла. Все стали говорить «Нет, не надо, зритель не поймет». Жаль было отказываться, но, видимо, они были правы... И я согласился в итоге с общим мнением, что бывает далеко не часто. И вот тогда придумалось появление режиссера на балконе в образе этакой постаревшей Тени, ее «двойника». Это последний аккорд, мне кажется, красивый, эстетский. Но что это значит, я не знаю, трактуйте сами.

Какие были сложности в работе?

Сложнее всего было найти визуальные средства выражения тех идей, которые хотелось выразить. В этом спектакле самое сложное, но с другой стороны и успешное (мы же все-таки нашли!) – техническая сторона: звук, свет, оформление сцены

– не актерская игра, а оформление, потому что это хоть и «почти», но сказка. Мне как минимум двое людей говорили, что им в этой постановке не хватало шика, роскоши: чтобы задник сцены был побогаче, чтобы сцена была побольше, чтобы были настоящие костюмы... Но что тут можно поделывать, это выше наших сил, это не обсуждается. Мы не можем заменить сцену. Хорошо было бы, чтобы сцена крутилась, чтобы таким образом декорации менялись быстрее? Возможно. Но она же не крутится. Можно было придумать костюмы помасштабнее? Но у нас их нет. Мы с кожаными вещами-то как здорово придумали! Это тоже родилось от бедности, потому что надо было ввести символику, лейтмотив власти. (Первое, что приходит в голову, – фашистская форма, фуражки, каски... Но этого негде взять). Бедность иногда позволяет находить интересные решения. Я считаю, что кожа – это шикарный выход, потому что кожа – это умерщвленная плоть, а вместе с тем кожа – это и быт. У кого нет кожаных вещей: перчатки, ботинки, кепки, куртки... Это же абсолютно нормально, так ведь? А вот вылепить из всего этого символ – здорово.

Вот видите как... Началось с того, что я эту пьесу не любил, а закончилось тем, что я в эту пьесу влюбился. Где-то примерно к январю начал понимать, что я ее хочу ставить, причем очень! Так бывает. У меня в сознании возникает некий образ спектакля, иногда самый общий, иногда конкретнее – по сценам, иногда даже некие мотивы музыки, еще не най-

денной, безымянной. И я был уверен, что подниму актеров – хотя бы за уши! – до того уровня, который здесь нужен. Может быть, это звучит несколько самонадеянно, но мне кажется, я научился заставлять студийцев играть то, что я хочу, чтобы они играли. А боялся, что мы не найдем конкретные внешние приемы, которые были бы на том уровне игры, на который я собирался ее поднять, чтобы это не выглядело как школьная самодеятельность. Именно поэтому было важно добиться полного затемнения (ведь в прошлом году затемнение было ужасно). Если бы сейчас у нас была такая же «темнота» как в прошлом году, это была бы катастрофа, просто катастрофа! Спасибо А.И. Молеву за решение проблемы!

Вы довольны тем, что получились?

Очень доволен. Скажу, что прошлогодние «Жестокие игры» мне дались тяжело! Тот спектакль я почти ненавидел. И я, кажется, до сих пор не преодолел этой болезненной ненависти. Ненавидел так, как ненавидят близкого, дорогого человека, который тебя замучил... А в этом году – эйфория, влюбленность абсолютная во все: в пьесу, в людей, в то, как мы все это придумали, в ту атмосферу, которая царит вокруг, в каждую секунду репетиции. Было так интересно! И так обидно, что все уже закончилось, что я сейчас даю вам интервью вместо того, чтобы через полчаса пойти в зал и продолжить работу. И актеры о том же страдают. На какое-то время жизнь наша теря-

ет смысл. Расставаться тяжело. Но с другой стороны... В этом тоже есть своеобразное счастье – расстаться вовремя. Прервать на полуслове, пока не успело надоесть. В этом такая пронзительная – чеховская – печаль!..

Как вы думаете, Шварц сидел в зале во время спектакля?

Я его не заметил. Сидела Хлестова, сидел Карцев, сидел В.Б. Крапиль, сидели многие другие. Шварца я не видел. Хотя... Вдруг он опоздал на самое начало и вошел уже в темноте?... В сказке, даже и в «почти сказке» – все может быть.

Вам нравится моя откровенность?

МНЕНИЯ ЗРИТЕЛЕЙ

Антон Евсеев

«Сказка – ложь, да в ней намек...»

Спектакль «Тень» оставил после себя множество вопросов. В частности, были замечания о «переименовании» Шварца, о – цитирую – «нешварцевской жестокости». Из доброй сказки сделали реалистическую трагедию.

Действительно, ставить сказку на сцене в ее первоизданном виде – неблагоприятное занятие. В таком случае можно рассчитывать на аудиторию пятилетних детишек. Пришлось Вадиму Александровичу ваять...

Вначале все и вправду напоминало сказку. Добрую, наивную. Не сразу «сказочный» пласт уступает место реальному. Позже, когда Стас-Ученый заболел не по-сказочному, сказка перестала быть сказкой слишком резко (видимо, хитрый Терехов рассчитывал на такой эффект).

Так что эта постановка вовсе не сказочная, а Вадим

Александрович водил нас за нос добрую половину спектакля. И он добился того, чего хотел – шока публики и слепопостановочного ажиотажа.

Елизавета Зафт

Что я могу сказать о спектакле? Несомненно, проделана была гигантская работа. Стоит ли говорить о том, сколько труда было вложено в эти пять дней? Подготовка заняла весь год.

Очень разные актерские составы, сказать по правде, больше понравилось в среду, совсем иная атмосфера.

Особо понравилось: конечно же, актерское мастерство и прекрасная работа Маэстро. это даже не обсуждается. Музыка. Спецэффекты. Весь зал вздрогнул, когда раздался громкий звук разбитого стекла. А красно-черное освещение, добавляло чувство какой-то тревоги, опасности.

Спектакль превзошел все ожидания. Bravo, Маэстро!

О СЕМЕЙНОМ СЧАСТЬЕ МАЛЬЧИКА-С-ПАЛЬЧИК

В.Б. Крапиль

У кого чего болит, тот про то и говорит. Каждый все понимает в меру своей испорченности. И так далее... Это я о себе.

...Представьте себе страну, которой правил добрый король-дурачок. Он показывал мальчишкам язык и дирижировал оркестром на немецком аэродроме. Не мог решить, какую половину правительства казнить, и поэтому как перчатки менял премьеров. Потом увлекся нехорошими... напитками, которые очень утешили его, хотя и окончательно подорвали здоровье – и все закончилось завещанием.

...Представьте себе страну, в которой возникает Тень. Сначала ее претензии на власть кажутся просто смешными. Но находят те, кто решает помочь Тени, чтобы она помогла им. Усилиями этих налоговых инспекторов и оценщиков в городском ломбарде Тень оказывается на троне, но и они не в накладе – теперь они руководят королевской стражей и королевской тюрьмой. Они губернаторы, депутаты, директора госкорпораций, но должны забыть, кем Тень была раньше, помнить о том, кем Тень стала теперь, и прогибаться, прогибаться, прогибаться... Зато достаются им не ширмочки и кресла-каталки – нет, кирочки пожирнее, например, ЮКОС.

...Представьте себе страну, в которой Министр говорит: «Третьего варианта я не вижу» – и вот уже у склонившихся перед Тенью хинштейнов в достатке славы, почета и богатства. А Политковской нет в живых. Зато Юлия Джули в этой стране не просто певица – она олимпийская чемпионка (гимнастка, конькобежка, фигуристка), и тоже имеет славу, почет, богатство. А взамен требуется такая малость: не забывать, кто тень, а кто – Ваше величество.

...Представьте себе страну, в которой любой, кто пытается или только собирается назвать Тень тенью, немедленно объявляется пособником террористов и агентом Британского совета. А народ в этой стране любит своего короля; по крайней мере, это поймет каждый, кто откроет любую газету. Или включит теле-

визор не для того, чтобы посмотреть «Женщину без прошлого» или футбол Ливорно–Реджина. Последнее, впрочем, бывает нечасто.

И не надо обольщаться. История именно этой страны – и никакой другой – посвящен нынешний спектакль театральной студии. Хотя, в общем-то, не в ней жил и не о ней писал более 60 лет назад Е. Шварц.

Мы узнали эту страну. И мы хотим понять: что же делать в этой стране честным людям, которые искренне хотят сделать других счастливыми?

Можно послушаться Докторшу и махнуть на все рукой. Пожать плечами. Взглянуть сквозь пальцы. Кстати, не только Докторша, но и Эльза, милая, добрая Эльза, влюбленная Эльза призывает Ученого к тому же. Это же так просто. И – да здравствует Его Величество Тень!

Можно сдать. Поставить точку. Получить почетное место тени Его Величества, быть приравненным по почестям к королевским секретарям. Да и ширма – не ширма, но пара стульчиков на твою долю останется. И – да здравствует Его Величество Тень.

А можно – бороться. Погибать и побеждать. Главное – не остано-

виться. Не сосредоточиться на том, что больно глотать. И в тот миг, когда одержана первая, еще не окончательная, победа, когда предстоит еще долгий путь борьбы с Тенью и прочими тенями, не взглянуть на происходящее сквозь пальцы, не пожать плечами и не махнуть на все рукой. На все – даже на тех, кто тебя любит. Потому что тогда все равно – да здравствует Его Величество Тень.

«Я пошел на смерть. Ведь, чтобы победить, надо идти и на смерть. И вот – я победил». Эти слова Ученого из пьесы не звучат на сцене, потому что в спектакле побеждает Тень. И в стране побеждает Тень. Хочется верить, что на время. Но увы! Все меньше остается тех, кто не боится. Да и как не бояться, если даже люди, уже имеющие славу, почет и богатство, в любой момент могут оказаться перед выбором: идти этапом в Читинскую область или начать нести для Его Величества яйца Фаберже. Куда проще договориться с Тенью. Условия договора понятны: «Мы не поссоримся, пока вы будете молчать».

Сможем ли мы преодолеть свой страх? Не знаю. Не знаю в первую очередь потому, что значительная (и даже больше) часть молодежи, которая должна была бы стать основной силой в борьбе с Тенью, увы, не привыкла думать. Она предпочитает блокировать эстонское посольство, публично жечь книги Сорокина и воспринимает глагол «жить» исключительно в половом смысле.

Апофеозом спектакля мне кажется появление самого режиссера в зловещем образе новой Тени. Не той ли, которой меньше чем через месяц предстоит инаугурация?

...Пройдет совсем немного времени после премьеры, и Тень возглавит Партию Единственного Короля, впрочем, не вступая в нее. И, видимо, вскоре Мальчик-с-пальчик обретет полное семейное счастье, поскольку навсегда перестанет ссориться со своей женой: у них просто не будет больше предмета для разногласий.

У меня очехь чуткие уши.

НЕ СУДИТЕ...

**Е.Ю. Терехова,
автор идеи спектакля**

Кто-нибудь вообще, представляет себе, что значит «автор идеи»? То есть, то, чем является, если верить программке, ваша покорная слуга по отношению к спектаклю? Объяснимся. В данном случае, это означало довольно мучительный процесс поиска ответа на вопрос – а зачем, собственно говоря, нужна сейчас эта самая «Тень» современному гимназическому зрителю?

Ясное дело, самый незатейливый и, сказала бы я, примитивный путь – поискать каких-нибудь социально-политических аллюзий. Пьеса Шварца, конечно, явно политизированная, можно было ее, при желании, притянуть как-нибудь к современной нашей ситуации (равно как и еще к сотне не наших и несовременных), но именно в этом для нас и была проблема. Никогда театр Терехова не разменивался на политически злободневные спектакли, считая злободневность эту самую недостойной быть предметом искусства. Ясное дело, при большом и постоянном желании можно и в Святом Писании найти ассоциации со склоками на собственной коммунальной кухне, но это уж будет личное желание зрителя, его собственный приоритет. А спектакли про это ставить... Ну... Скучно! Про это можно в КВН поиграть... В «капустник»... А пахать, как каторжные, целый учебный год, чтоб получить в результате жанр «утром в Интернете, вечером в куплете» – пошло как-то даже... И обидно очень.

Так что политизированность в нашем случае была скорее помехой, которую нужно было как-то... не заметить. Хотелось найти немелкое что-то, действительно важное. Потому что нет совершенно никакого толку ставить спектакль, если в нем тебе НЕЧЕГО СКАЗАТЬ. Будь это хоть Шекспир, хоть Чехов. Хоть Шварц. И это ЧТО СКАЗАТЬ не ищется путем опросов будущей зрительской аудитории (что, мол, детишки, вас сейчас волнует?), потому что зритель – не электорат, чтоб отвечать его запросам. Про то, что их волнует, они сами будут потом творить. Ищется в пьесе что-то, что

волнует тебя (его, в смысле, режиссера) и о чем непременно хочется поведать миру. И скажу вам, как на духу, не нашлось в шварцевской пьесе ответов ни на один животрепещущий вопрос... Зато нашлось достаточно самих вопросов. «Ну, что ж, – воскликнул(а) автор идеи, – можно поведать миру наши вопросы! А мир, если захочет, пусть попробует их порешать для себя».

Один из этих вопросов особенно мучителен и, возможно, не решаем. Если честный, благородный человек имеет возможность пройти в какую-нибудь власть, ОБЯЗАН ли он это делать? Должен ли он пойти наперекор своему нежеланию, своим убеждениям, своему страху, наконец? Там, где власть, думаю, всегда страшно, беспокойно и, наверное, грязно. Слишком много соблазнов. Почти невозможно не запачкаться. (Мне всегда хочется посоветовать тем, кто в порыве праведного гнева готов закидывать грязью любого, кто стоит у власти, умерить свою гордыню и прикинуть, смогли бы они сами эти соблазны преодолеть. Ну, если сами без греха... Что ж... «безгрешный холуй, запасайся камнями...» – как писал мой любимый поэт). И вот, если не хочет человек пачкаться о власть, хочет остаться чистым и честным? Как? Можно? Но, с другой стороны, получается, что честные и чистые во власть не пойдут, а кто

пойдет? И что ж ты, чистоплюй, боишься ручки замарать ради блага человеческого?

Не знаю ответа на этот вопрос.

Интересно, Шварц сам понимал, что поставил его в своей «Тени»? Там ведь Ученый уходит, и это становится счастливым финалом. Уходит спокойно со своей новой возлюбленной (когда это, интересно, успел ее полюбить? Еще один вопрос), и никого не волнует, что там дальше будет с жалкими приспособленцами, которых он покидает. А мы ничего и не меняли... Просто напоследок заставили его оглянуться на них и – ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ, ЗА КОТОРОЕ ОН В ОТВЕТЕ. Ну да, в пьесе Тень убегает, так что? Там остаются министры, милые люди... Или Дракон какой прилетит...

Наверное, это спектакль о свободе. Потому что никто еще не решил, есть она вообще или нет. И нужна ли она. И полезна ли. Когда мы любим, мы несвободны. Когда верим в Бога, мы несвободны. Когда хотим славы, почета и богатства – тоже. Когда люди борются за свободу, они, в основном, проливают реки крови, своей и чужой. А что в итоге? «...Винovatые станут судьями...» – то же самое, но с другим знаком. Может быть, нет никакой всеобщей свободы, а есть лишь личная, внутренняя? И поступить в согласии с ней честнее, чем – себе наперекор, зато в соответствии с ожиданиями жаждущих спасения ближних? Может быть, увидеть предел своих сил, признать свой страх и свою слабость правильнее, чем образцово-показательно взвалить на себя ношу, которую не снести? В конце концов, Ученый махнул рукой тогда, когда сам этого захотел... Может быть, мы все же имеем право выбирать, приносить себя в жертву на алтарь всеобщего благоденствия или лелеять свою приватность и тихо возделывать свой сад в соответствии с внутренней потребностью. А уж будет ли нас за это совесть мучить, это наше дело. «Не судите, да не судимы будете»...

Если человек оказался слаб и не доиграл до конца роль героя, значит ли это, что он недостоин уважения и любви? ...Спросите Эльзу...

ПРО ПРИНЦЕСС, ГЕРОЕВ И ЖИЗНЮ ВОДЫ

Ольга Степченко

В любой сказке должен быть главный герой. Ну тот, который будет скакать на красивой лошади, махать мечом и спасать прекрасных принцесс, подставляя лестницы к их балконам.

А что делать, если в сказке главный герой – совсем другой человек? Если это женщина, да еще и несчастная женщина, потерявшая любимого мужа, а вместе с ним и почти утратившая саму себя? Ну вот такая, как госпожа Доктор в нашей «почти сказке»?

Почему же она главный герой, спросите Вы меня? Ну, может, потому, что у этого персонажа есть развитие, динамика по ходу действия. Всю пьесу она мечется от Ученого к Министру и обратно, и поначалу кажется, что она ничем не отличается от Пьетро или Юлии. Такая же разочарованная и запуганная, как и все остальные жители этой маленькой страны.

А может, дело в том, что мне просто оказалось удобно, комфортно, если хотите, смотреть на все происходящее ее глазами, точнее даже с ее колокольни. Просто в результате замены «Доктора» на «Докторшу» получился такой «среднестатистический» персонаж – не настолько романтически-идеалистический, как

Ученый или Эльза, не такой отвратительный, как парочка людоедов... Живая получилась героиня. У нее есть прошлое. Советы, которые она дает своему пациенту, поистине ужасны, но чувствуется, что это грустное «искусство пожимать плечами» далось ей очень непросто. Или она просто убедила всех, включая саму себя (а это самое главное и трудное), что научилась пожимать этими самыми плечами?

Госпожа Доктор так преуспела в этом, что уже и сама довольно искренне удивляется, зачем ей вдруг приспичило рыться в старых архивах в поисках оружия для борьбы с Тенью, и почему вдруг судьба этого приезжего Ученого так ее волнует. Неужели он так отличается от курортников, обеспокоенных чресчур впечатлительной правой коленкой? Что-то такое она углядела в этом Ученом, что-то услышала ее чуткие уши в его словах и вздохах.

Шевельнулось что-то почти совсем-совсем забытое где-то глубоко-глубоко в душе. И вот уже в голове безостановочно бьется одна и та же мысль: «А что если он прав, а вдруг Ученый и вправду возьмет и победит? И что же тогда будет со мной, со всеми этими людьми, со всей нашей страной? Неужели действительно может случиться так, чтобы хороший человек победил?»

Увы, Эльза была права, и именно хорошие люди чаще всего попадают в печальные сказки. Но она не сказала, а может, кухарки на кухне просто еще не объяснили ей, что же случается с этими хорошими людьми потом, после того, как печальная сказка становится их жизнью.

Самое печальное в этой сказке даже и

не то, что Ученый махнул на все рукой, и стало на одного равнодушно-го человека больше. Жаль тех, кто искренне желал ему победы. Пусть это продолжалось всего несколько минут или даже секунд. Пусть даже и боясь признаться в этом самому себе, как госпожа Доктор. Ее надеждам не суждено было сбыться.

Мы в ответе за тех, кто нам поверил. Позвольте мне вот так перефразировать заезженную цитату из другой печальной «почти сказки».

Обмануть такие ожидания – это гораздо страшнее, чем все поступки Тени. Просто потому, что от Тени никто и не ждал ничего другого, кроме всяческих мерзостей. Как и от людоедов, например. А здесь...

Какая печальная сказка у нас получилась, господа...

И знаете, что во всем этом самое страшное? Граница, разделяющая сказку и жизнь, находится на той самой тонкой грани, заключенной в одном легком взмахе руки... Махнул рукой – и впустил Зло в свою жизнь. Не нужно ни волшебной палочки, ни заклинаний, ни чудодейственных снадобий.

Равнодушные – это самый страшный недуг, от него не помогает Живая вода. Она ведь, как известно, излечивает только хороших людей...

Махните на все рукой!

В ПОИСКАХ ПЛОТИ ФОРМЫ

Надежда Белякова

Затишье... Как будто вакуумизировали все внутренности. Такая мертвая пустота-тишина. Это называется катапультирование. Когда от бурлящих, переливающихся через край потоков эмоций организм пытается защититься и в итоге не выдерживает – катапультирует сознание, оставляя спасительную пустоту в груди.

Такие ощущения после двукратно просмотренной «Тени».

После того, как первая партия чувств обрушивается, и становится легче дышать, я стараюсь обдумывать изумившее. Конечно, втиснуть то невыразимое в рамки мысли очень сложно, однако это помогает отделять идею от налипшего на нее комка восторга и потрясения. Вот что было, когда комок отлип на одну четверть.

«Насколько все точно и выстроено, насколько грамотно подобраны типаж, артисты, переходы... Как безукоризненно вымаран текст! Без единой сбивки с идеи!»

Моя голова воспринимала лишь визуальные эффекты. Ну это скорее не голова, а глаза...

Вот что было, когда комок отлип на две четверти.

«Как хороша! Какая органичность! Даже не ожидала от нее! Ну да, он слегка зажат. Руки как будто некуда деть. Ну чего говорить – дебют... Ну, я его таким и знаю в жизни... Ничего нового. Это же ее роль! Только ее! Никакие замены не нужны! Только она!»

Позвольте заметить, что все это никоим образом не относится к какой-либо части сознания. Это опять не от головы, это всего лишь интуиция, которая развивается с приобретением знаний и обильной практикой.

Вот что было, когда комок отлип на три четверти.

«Музыка, музыка, музыка, музыка! Отдается в ушах, вибрирует в глубине тела, затягивает, засасывает, зазывает! С самого своего первого появления на балконе Принцессы до вознесения над сценой в конце, когда она грохочет и бушует, являясь уже одним из действующих лиц...»

Простите, но музыка – это чистые эмоции, в данном случае вплетенные в контекст сложных сюжетных переплетений и психологических пертурбаций. И голова здесь тоже не кстати... Ну разве что уши, сидящие на ней.

Вот что было, когда комок отлип совсем.

«...»

Там не было мыслей...

Растворение, расслоение, разложение... Как же подобрать правильное слово? Нашла: оцепенение. Да, оно! Как будто ты кружил в безумном танце, прыгал, еле касаясь земли ногами, а потом резко уткнулся в стену. Первые секунды даже не можешь осознать, что произошло. Просто стоишь и как последний дурак смотришь на эту стену и плачешь...

Вряд ли возможно подобрать слова. Когда я вернулась в редакцию после спектакля, то спросила Ольгу Петровну: «О чем мы будем делать Театральное приложение?» Я искренне не понимала, как можно ЭТО оформить в слова. Тем более, с такими ограничениями как бумага и фрейм... Как сказал Оскар Уайльд: «Чувство зарождается быстро, но медлит обрести плоть формы». В данном случае чувства не поддавались описанию, а мысли беспомощно дрейфовали, не способные найти для себя подходящие очертания и границы.

Почему мысли сложились в такую картинку, спросите вы? «Там ведь вполне все понятно, мало того, лежит на поверхности. Неинтересно» (цитирую одного из зрителей). Зато этому человеку интересно сутками сидеть за учебниками, вылезая лишь поесть, и упиваться своим гордым одиночеством. Разве он что-то мог уловить кроме сюжета?

Нет, это не поучительная история о добре и зле. И не социально-политический памфлет. И даже не рассказ о трагедии человека. Это сгусток энергии, направленный на зрителя. Энергии людей, не знающих ни о чем настоящем. Их пластмассовые фигуры, нарисованные на

лице гримасы и доведенное до автоматизма существование поглощают живого Ученого (который «живеет всех живых») с таким тонким перебором чувств, с вертикалью, уходящей вверх, к Богу. Эти людоеды «сожрут» любое проявление жизни, затерявшееся в их маленькой стране.

Однако не хватило неоднозначности. Слишком уж четкие и одноцветные получились Добро и Зло. Без широты диапазона, без оттенков, без непредсказуемости и относительности. Может быть, в этом и есть сказка – для простоты восприятия роли возведены в абсолют, как во всех сказках. И именно поэтому «почти сказка» – ситуация, в которой оказываются сказочные герои, выходит из-под контроля и приобретает цвет трагичной реальности, настоящей жизни. И персонажи со всей своей однозначностью и одноцветностью вынуждены с ней бороться.

И еще будоражащий, бурлящий финал, бушующий фонтан недосказанности, потоки непонимания. Как?! Куда и зачем уходить?! Оставив на своей совести тяжелый крест и новое умение – махнуть на все рукой. Ах нет. Не так. Оставив за плечами разрушенные воздушные замки, горящие большим пламенем иллюзии и невыполнимые мечты – «сделать всех людей счастливыми»... Они не хотят. И не могут. Как сказал Сергей Довлатов, «рожденный ползать летать не хочет».

Это не драматический жанр. Это симфония без последней части, которую зритель должен проиграть про себя. Если спектакль нашел в его душе отзвук, это получится, пусть иногда с фальшивыми нотами. А если зрителем производились лишь поиск сюжетных переплетений и узнавание мелькающих лиц – увывы, четвертая часть симфонии под названием «Тень» окажется для него неразгаданной и навсегда потерянной.

И все-таки мысли были. Одна. «Брависсимо, Вадим Александрович!»

Как ваше здоровье? Сочувствую. А вашего бультерьера? Забуду.

Глеб Евстропов и Константин Смятских:

В этом году наша сцена приняла еще двоих блестящих дебютантов – исполнителей главных ролей спектакля – Глеба Евстропова (Ученый) и Константина Смятских (Тень). Так как эти роли неотделимы друг от друга, а успех ребят был поистине потрясающим, мы решили взять двойное интервью.

Тяжело ли было вам играть «противоположностей» друг друга?

А я не был тенью Глеба, я был Тенью Ученого. Нам не нужно было подстраиваться под партнера, нам нужно было подстраиваться под его роль.

Очень часто на репетициях мы были в других сочетаниях пар: я с Андреем, а Костя со Стасом. И играли нормально. И на самом деле, во время спектакля это неважно. Главное – точно знать все действия своего героя, вникнуть в его суть и понять его характер. В замысле не было ничего такого, что требовало при изменении у одного – изменения у другого.

Но ведь Тень была полной противоположностью Ученого.

На самом деле, она явной противоположностью Ученого не была. Она просто олицетворяла все плохое и дурное в человеке. Если Ученый – это добродушный мечтатель, то Тень – наоборот.

Это просто внутреннее ощущение. Если мы смогли поймать его правильно, то это уже было «противоположностью». От этого шла и правильная пластика, и интонации. Именно тогда ты ловишь, как двигается и говорит партнер. Но пластика была важна только в одной сцене.

И для меня лично, как я определял характер Тени, надо быть не противоположным Ученому, надо быть злым.

Что было для вас самым сложным при присвоении роли?

Открыть себя. А много было в ваших ролях такого, чему надо было учиться, чего нет в вас?

То, что я делал на сцене, я в реальной жизни делать не умею. Для меня это было удивительно, я играл полную свою противоположность.

Сможешь привести какой-нибудь пример?

Наглость. Но я не искал в себе наглость, я... учился быть наглым.

Сложилась очень интересная ситуация: при распределении ролей и я, и Костя изначально хотели быть Тенью. Потому что в жизни мы оба гораздо ближе к Ученому, но хочется же попробовать себя в противоположном плане. Мне досталась роль Ученого, и так получилось, что в первом действии мне ничего не надо было играть, особых усилий не надо было прикладывать. Единственное, где было сложно, – это в начале второго действия, до момента, когда я застаю Тень с Принцессой. Вот там действительно пришлось напрячься – приходилось изображать полное счастье! Он настолько счастлив, что просто слеп. **В спектакле было понятие «людоеды». Как вы его понимаете?**

Ну а вы подумайте сами, если можно съест человека и сохранить с ним прекраснейшие отношения... Конечно, людоеды едят человека морально, пытаются его сломать. Когда мы репетировали, то понятие

«съест кого-то» мне

представлялось как уничтожить человека в глазах других.

Съесть человека – это значит получить над ним полную власть. Человек, который съеден, не может ничего сделать по своей воле.

Глеб, ты тоже хотел быть Тенью, но так получилось, что режиссер распределил вас вопреки твоей воле. Какие у тебя были ощущения? Было обидно?

Когда нас распределили на пары: я с Костей, Андрей со Стасом, стало понятно, кто из нас будет играть Тень, а кто Ученого. Так решил Вадим Александрович. На самом деле, у меня нет ни капли обиды на него, это же режиссер, ему виднее. Но Тень я хотел играть и за неделю до премьеры. На самом деле, Ученый – тоже очень хорошая роль, особенно во второй половине. Он эмоции выражает куда больше, чем Тень. Тень – внешне более филигранная роль, отточенные действия, пластика, а Ученый более эмоциональный.

А в чем суть этого спектакля, по вашему мнению? Главная мысль?

Спектакль сложно выстроен, и там много интересных моментов, помимо главной идеи есть и большое количество побочных. Одна из идей заключается в том, что плохие люди не могут жить без хороших. Но при этом и хорошие без своей тени тоже не способны на жизнь. А есть люди не плохие, но слабые. Вот, например, Юлия Джули. В ее замыслах нет ничего дурного. Такие люди даже в финале не задумываются, куда им идти, где лучше. Они как марионетки – то туда, то сюда. У них нет внутреннего стержня, умения верно оценить ситуацию.

Важна мысль – до чего может дойти человек, сколько всего можно переступить! Люди-карьеристы идут по головам, для них важны лишь слава и богатство. Они все делают рефлексивно, не думая. И только у Тени не было такого, у нее были какие то установки. Одной из них была власть. Тень хочет высшей власти.

Больше всего ему хотелось уни-

Жужели ты же пожимаешь: я жить без него не могу!

ИСПОВЕДЬ ДЕБЮТАНТОВ

зить Ученого. И именно для этого он и стал правителем.

А тогда зачем Принцесса?

Просто средство. Путь. К трону.

Мне кажется, что Тени нужна не просто власть, а абсолютная власть. Ему это нужно для того, чтобы доказать: «Кто был никем, тот станет всем».

Что общего между Ученым и Тенью?

У них одинаковый ум, но разные векторы направления.

Как вы думаете, кто или что победило в спектакле?

Победила в итоге Тень, потому что Ученый сдался. Он потерял то, что имел в начале спектакля, – веру в людей..

Да, победила Тень. Ей удалось сломать Ученого и взобраться на престол.

Но, с другой стороны, Ученый приобрел верную девушку. Он, правда, ее не любит, он с ней только тогда, когда ему плохо, когда ему нужна опора или поддержка... Но все же...

А Ученый любил на самом деле Принцессу или нет?

Она его просто зацепила своей красотой, и он впал в эйфорию. И только к концу спектакля он повзрослел.

А хорошо ли то, что он поумнел? Да, он умеет теперь, как госпожа Доктор, «махнуть» на все рукой. Ее мужа «съели» чиновники, а она смотрит на все сквозь пальцы. Хорошо ли это?

Если бы вы играли сами, не следуя режиссерскому наказу, вы бы играли так же или что-то изменили?

Режиссер нам просто помогает найти правильный путь к образу, почувствовать его. У нас было две пары «Тень–Ученый». Вадим Александрович говорил нам одни и те же слова, но я не могу вспомнить ни одной одинаковой фразы, интонации у меня и у Стаса. Все слова режиссера мы пропускали через себя, и каждый понимал их по-своему.

У меня аналогичная ситуация, сходства между Андреем и мной вы найдете разве что в первом действии, и только в тех моментах, где нам говорили, как себя точно надо вести. На самом деле, Вадим Алек-

сандрович немного говорил про наше внутреннее состояние. Ведь тебе могут сказать сто раз, а ты все равно не поймешь. Ты должен все почувствовать сам!

Как у вас прошла эта премьерная неделя, какие ощущения?

Радость. Волнение перед выходом на сцену. Целая гамма сложнейший, но приятных чувств. Я жил этим спектаклем.

У меня было большое желание играть еще и еще. А когда другие играли, то я переживал за них и молился, чтобы у них все получилось.

Вы очень занятые юноши.

Как вам удавалось совмещать репетиции, учебу, подготовку к конкурсам и олимпиадам?

В сутках 24 часа, это много. Если у тебя нет свободного времени, то не надо себя разгружать, бросать какие то кружки, наоборот, загрузи себя больше, и у тебя будет много свободного времени. Ведь тогда ты себя начинаешь контролировать.

Трудно было подстроиться под график репетиций, мне чуть было не пришлось выбирать между премьерной неделей и поездкой на всероссийскую олимпиаду.

У меня тоже было такое.

Вы два вполне интеллектуальных человека. За спиной у каждого на-

град перечислять и перечислять. Вы похожи? Или разные?

Мы оба занимаемся волейболом, а так... Мы друг друга не достаточно знаем. Мы мало общаемся.

Глеб, известно, что на следующий год ты уходишь из гимназии. Театральную студию бросишь?

Все зависит от моего расписания. Я буду стараться совмещать, но проблема даже не в посещении репетиций, а в премьерной неделе.

А ты, Костя, продолжишь карьеру актера?

Я буду очень стараться совмещать учебу с занятиями в театральной студии, но самая главная задача на следующий год – это поступить в институт. Собираюсь в МГУ.

Андрей Терехов:**«Я ВСЕГДА В ТЕНИ СВОЕГО ОТЦА...»**

Необычайно сложно было взять интервью у начинающего учителя Андрея Вадимовича Терехова. Он, как и положено студентам, был постоянно занят и предельно сосредоточен на учебе. Но, к невероятному счастью журналистов газеты «Пугачёвка, 6», нам все-таки удалось поймать его. И где, вы думаете, мы его обнаружили? Правильно. В стенах гимназии, где он в последнее время проходит педагогическую практику – преподает биологию в 6-х классах.

Лех, знай свое место!

Сколько лет ты уже играешь в нашей театральной студии?

Восемь лет. С пятого класса.

Как нам известно, у тебя был достаточно большой перерыв в театральной карьере. Чем он был вызван и сколько времени продолжался?

Два года. Мои первый и второй курсы института. Надо было вплотную заняться учебой, и я вынужден был на время покинуть студию.

Знал ли ты, что вернешься?

Несомненно. Студия уже давно стала огромной частью моей жизни.

Ты скучал во время этого двухлетнего перерыва?

Я, может быть, и скучал, но свободного времени у меня стало гораздо больше. (Смеется). Конечно, скучал, раз вернулся! Вообще, этот вопрос далеко не однозначен. В течение года, пока идет работа над спектаклем, все бегают загруженные, а ты свободен, и это вроде бы не может не радовать, как и любого нормально-го студента. А вот когда приходишь на спектакли... Все эти два года я ходил смотреть спектакли без пропусков – все четыре дня. Смотрел все составы. Вот тогда я по-настоящему тосковал. В такие моменты просто кипишь от ревности. Хочется к ним туда, на сцену, не хватает нервовотрепки за кулисами, переживаний по поводу роли, постоянных обсуждений. Именно во время спектакля всего этого не хватает. В принципе, если уходишь из студии, сам процесс работы не вызывает никаких чувств сожаления. А вот в результате хочется участвовать всег-

да. Не знаю, как у других, но у меня именно так. Я очень люблю играть. Люблю сцену и зрителя.

Скажи, Андрей, что привнесла эта роль в твою жизнь? Возможно, ты стал большим негодяем?

Это для меня очень сложный вопрос. Роль, конечно, всегда как-то влияет на повседневную жизнь. Не исключено, что именно из-за того, что я играл такого самоуверенного

лач, но я не гоюсь и в подметки Ване Лягушкину. Так что...

Если бы ты был режиссером, что-нибудь изменил в спектакле?

Этот вопрос ставит меня в тупик. Я и так идею финала придумал. Конечно, до ума его довели Ева Юрьевна с Вадимом Александровичем, но идею подал я! Так что я сделал все, что мог, и больше мыслей у меня не возникло. (Смеется). А если серьезно, я не задумывался. Я не умею мыслить как театральный режиссер.

Как известно, в нашей театральной студии в этом году появилось очень много новых людей. Что ты думаешь о них?

Во-первых, у меня все-таки был перерыв, и для меня, наверное,

и умного типа, я стал немного смелее по отношению к людям. В этом году я начал вести уроки, и, благодаря роли, я научился быть немного напористее с учениками. Но все-таки негодяем я не стал. Пока.

А что ты от себя добавил в роль?

Это тоже очень тонкий вопрос. Конечно, я, наверняка, вложил определенную часть себя, но что конкретно, трудно определить. Я не так хорошо себя знаю, может быть, кому-то со стороны виднее?

Кого бы ты хотел еще сыграть в этой постановке?

Остается только Ученый. У меня, между прочим, был выбор между Ученым и его Тенью. Я долго «ломался», кого же выбрать. А больше для меня в этом спектакле ролей, по сути, и нету... Ну, может быть, Па-

«новенькими» являются все, кто пришел, пока меня не было. Но нынешняя студия сильно отличается от той, из которой я уходил. Та студия делилась на маленькие группки. Каюсь, я и сам общался с определенной группой людей, это было весело, но, как я сейчас понимаю, это было не совсем Студией. А сейчас все объединились и активно общаются. Почти как родные. Я не ожидал, что новенькие вписались в студию так, как будто там сто лет существовали. **Расскажи вообще о репетициях.**

На репетициях стулья летели... (Смеется).

Как ты справлялся с трудностями, связанными с ролью?

Никак. Серьезно. Я получал и дома, и на репетициях взбучки, вы-

Жке болько глотать.

слушивал вопли: «Ты ничего не делаешь!», «Ты не учишь текст!», «Не готовишься к роли!», «Ты должен репетировать дома, иначе я тебя не выпущу на сцену!» А я все сидел и... ничего не делал. Но в результате оказался молодец, я надеюсь? Вероятно, процесс все же шел, но подспудный и подсознательный...

Расскажи немного о своей карьере в гимназии.

Не идти же в чужую школу. В девятом классе, поступая на био-химический профиль, я уже знал, что буду преподавателем и хочу работать непременно в своей гимназии.

А где ты учишься?

Я заканчиваю третий курс биохимического факультета МГПУ.

А что надо сделать, чтобы преподавать в нашей гимназии?

У меня подписан контракт о целевом наборе с нашей гимназией. По условиям контракта, после окончания института я должен вернуться преподавать именно сюда. Я свою часть контракта выполняю с удовольствием. Надеюсь, другая сторона тоже.

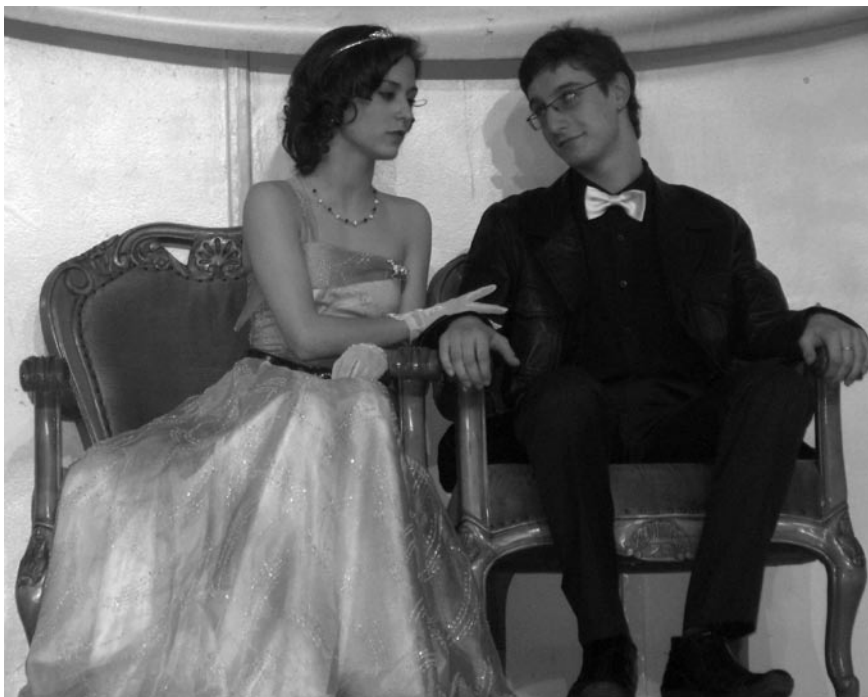
А каковы преимущества целевого набора для вас как студента?

Во-первых, когда я поступал в институт, я сдал вступительные экзамены раньше остальных (еще в мае!). Во-вторых, обещали кучу всяких льгот. Какие-то лагеря, какие-то льготы в сдаче зачетов, экзаменов, но, по-моему, это просто красивые слова. Кажется, я ничего не получил.

Нравится ли вам работать с детьми?

Смотря с какими детьми. (Тяжело вздыхает). Я пока не умею работать с пятым-шестым классом. Побаиваюсь. Пятый и шестой класс приходит целиком. А с целым классом общаться очень сложно, это надо уметь. Со старшими классами я могу работать (даже работал чуть-чуть). Когда профильная группа, небольшая. Взрослые почти люди сидят. Заинтересованные, внимательные, которые не будут бегать перед тобою на бровях. А вообще-то, давать уроки – это как играть на сцене, только импровизация больше.

А какая у тебя зарплата?

Я получаю меньше, чем директор, меньше чем Вадим Александрович, меньше, чем Ева Юрьевна. (Смеется). Я педагог дополнительного образования! У меня очень мало часов, у меня низший разряд. Мне пока просто не за что платить больше. Поэтому я получаю 800 рублей в месяц. Зато я уже работаю в гимназии! **Ты говоришь, что в скором времени будешь преподавать. Будучи учителем, не откажешься играть в театральной студии?**

Обязательно буду играть! Когда я стану учителем, у меня будет много свободного времени. Смешно пошутил, да?

То есть ты уже думал по этому поводу?

Конечно. Если мне ничего не помешает.

В какой пьесе ты бы хотел еще сыграть?

В «Вишневом саде».

Кого же?

Ну, там есть две роли, которые мне нравятся. Во-первых, это Гаев. Хотя на Гаева я, конечно, не тяну. Хотя бы по возрасту. А вообще, я должен играть Епиходова. Мне даже, наверное, ничего играть не придется. (Смеется).

То есть по характеру тебе ближе именно этот персонаж?

Да, к прискорбию...

Мы знаем, что пьесу для постановки вы выбираете всей семьей. А принимал ли ты участие в изменении текста?

Я иногда прихожу со своими идеями. Но, в принципе, это может делать каждый в студии. Вопрос в том, насколько Вадим Александрович примет это.

Пьеса выбирается летом?

Нет не летом. Летом она медленно думается, чтобы лето не портить. Пьеса выбирается с сентября. Тогда начинается беготня с вытарашенными глазами. И вопли, что студия закрывается, потому что пьесы нет и не будет.

Сейчас работа в студии закончилась?

Да. До осени студия не работает. **А что делает Вадим Александрович в этот перерыв? Продолжает работать, анализировать, искать новые нюансы, ошибки или все же отдыхает?**

Ну что значит отдыхает? Он дает уроки, проверяет сочинения, работает над Театральным приложением, помогает в оформлении дисков с записью спектакля. И так далее. На самом деле, вы даже не представляете, как его выматывает студия. Это могу представить только я. С каждым годом Вадим Александрович все сильнее и сильнее устает. Потому что студия становится все профессиональней. От этого не отвертеться.

Ну почему с интервью обо мне вы опять перешли на Вадима Александровича?! Опять я в тени своего отца!

Как тебе идет голова, милый!

ВЫХОДЯ ИЗ ТЕНИ...

Мы пришли к выводу, что вы умная, практичная хитрая!

Дарья Финогеева

Осень. Москва. Уйма дел. И вроде все отлично – учеба, работа, дом. Но ломка уже началась. Такое нервное напряжение, что мысли никак не удерживаются в голове.

И внутри уже все кричит: «Иди! Иди же!»

И я иду. По той самой Второй Пугачевской улице, к тому самому Красному Зданию. В который раз. С гимназией так просто не попрощаешься...

Я быстро поднимаюсь по лестнице вверх, здороваясь со знакомыми (которых с каждым годом все меньше, и меньше, и меньше), а в голове только одно: «Хоть бы там не было урока, хоть бы не было...»

Нет. Открыто. Пусто. Зал.

Ах, Господи, мой зал. Пустой, со своим запахом, настроением, воспоминаниями... Глазу руками рампу и выхожу на сцену. Сколько же в голове в этот момент проносится лиц, картинок, мимолетных фраз, переживаний...

Как обычно, я становлюсь по центру сцены, раскидываю руки в стороны, и спрашиваю себя:

– Ты этого хочешь?

– Хочу!

Сидя на краешке сцены, болтая ногами, я дожидаюсь звонка. И иду искать.

Нахожу в тридцатом. Режиссер заканчивает урок. Правда, сейчас он – учитель... Хотя нет, все равно режиссер. Так рада видеть, что невольно расплываюсь в улыбку.

Правда, особо порадовать меня режиссеру ничем. Студию нужно набирать заново. Ушли практически все. Оно и понятно – одиннадцатый класс. Да, понять это можно, но от этого не легче. И пьесы, в общем-то, нет. То есть никакой. То есть без вариантов даже.

Набирать новое поколение студийцев – задача не простая. Разница в возрасте между теми, кто в студии давно, и теми, кто пришел, с каждым годом превращается почти что

в пропасть.

И не раз уже бывало – студия есть, а единения нет. Сидят все по разным углам, о чем-то своем думают, на сцену особо не рвутся. И от этого как-то не по себе.

И те времена, когда студия была одной семьей, когда в ней играли Хлестова, Ирзабекова, Финогеев, ушли безвозвратно.

Но я помню нас во времена спектакля «Кадиш», 12- и 13-летних детей, которые всей толпой ходили после студии за мороженым, которые прямо на улице громко читали по ро-

лям отрывки из спектакля, которые до сих пор очень дружны. Было же это... Было... Куда все ушло...

Теперь все по-другому. Но ведь сейчас это уже не важно, убеждаю я себя. Важно, чтобы была хорошая пьеса, хорошая роль... Простите, что? Мы ставим «Тень» Шварца? Этого я предположить не могла! Это ужас. Безумно не люблю эту пьесу. Расстроена. Хотя... Может, режиссер все в ней переделает?

И вот читка пьесы. Почему-то опять же в тридцатом. Я смотрю в эти новые, незнакомые лица, такие

озадаченные, восхищенные, удивленные. И мне, признаться, становится страшно за исход спектакля.

Поначалу работа действительно идет напряженно. Практически нет ни одной пары актеров на одной роли, которые бы создавали образ своего персонажа хотя бы похоже, близко. У каждого он со своими мыслями, своим характером, своими жизненными ценностями. Это дает повод для споров и обсуждений. И мы, не стесняясь, спорим и обсуждаем.

Вот они. Первые проблемы от неопытности. Я только сижу и думаю: «Ой, ты, парень, сейчас лучше помолчи, тебе же лучше будет. А ты лучше не сообщай так радостно, что уезжаешь на дачу и в следующие две репетиции не придешь! Ой-ой-ой! Не надо! Вот про то, что заболел, лучше не заикайся!»

Вадим Александрович нервничает. Спасают новые легкие стулья. Они легко попадают к нему под руку, не без помощи студийцев, конечно, и легко летят в проявляющих непослушание.

Поражена ловкости новых студийцев – уворачиваются!

Конец зимы. Работа в самом разгаре. А студийцы по очереди болеть вздумали. Я вот сама без голоса сижу. Кошмар. Март уже на носу, а мы – ни в одном глазу. Только вот режиссер изменился как-то. Будто пьеса ему нравится стала, что ли. И это взбадривает. При чем не только меня. Но и этих, совсем молоденьких...

Апрель. И вот спектаклем заражаются уже все. Каждый из нашей студии чувствует это нарастающее волнение. Скоро премьеры!

Я поднимаюсь на пятый этаж, открываю двери зала и... Вижу своих друзей. Причем неожиданно даже старшие театралы, общающиеся друг с другом довольно давно и вполне открыто, но все равно соблюдающие субординацию, понимают, что могут получить от этого общения неизмеримо больше.

Мы делимся теперь не только мыслями по поводу спектакля, но и жизненными радостями и тревогами, идеями и эмоциями.

Актеры рады видеть друг друга вместе и каждого в отдельности.

Воздух студии вновь другой. Иной концентрации. Пространство и время перестают существовать, когда тыходишь в зал. Тут нет ни работы, ни учебы, ни проблем. Как будто другой жизни не существует. Есть лишь сцена, режиссер, ты и твои друзья-единомышленники. Именно из-за этого воздуха мы все студийно-зависимы. Теперь мы все одной кровью...

Вот она – театральная неделя. Захожу в зал перед спектаклем и вижу обыкновенную картину: Вадим Александрович, а вокруг него толпа щебечущих девушек. Все немного нервные, взволнованные и безумно счастливые. Молодые люди подтягиваются позже, но только с их при-

ходом мы начинаем заниматься хоть чем-нибудь, кроме праздной болтовни.

А как работают-то все! И те, кто играет, и те, кто за кулисами. Как без малейшей зависти сидят за кулисами – готовые помочь, переодеть, накрасить, поддержать. Не успеваешь прошептать «помоги», как тебе уже помогают.

Кипит работа. Действительно кипит. Никто не чувствует себя лишним или забытым, у каждого свое очень важное предназначение. Каждый знает свое место. Единство – это и есть важность и незаменимость каждого.

Театральная неделя летит как сумасшедшая, а пятница гремит аплодисментами, вперемешку с «Лужайкой», криками «Браво»!

И вот тут случается то, чего я совсем не ожидала. По традиции мы пишем друг другу пожелания на память. И в последние годы они сводились к смешным фразам из спектакля или обезличенным восклицаниям – «Удачи! Все супер!»

Но сегодня начинается просто феерия. Все хотят писать друг другу, писать откровенно и с душой. И каждому есть, что сказать, за что поблагодарить. И мы пишем, пишем, пишем, сердцем чувствуя каждое слово. Мы не прощаемся, мы лишь говорим друг другу то, что думаем...

Я иду домой по той самой Второй Пугачевской улице, от того самого Красного Здания, с чувством светлой грусти и страха, что мы расстанемся и уже не сможем объединиться так, как теперь. Впервые за много лет я боюсь потерять не возможность играть на сцене, а этих людей и дух студии...

Постепенно этот дурман рассеется, а летом мы забудем о нем вовсе... Мы разъедемся по дачам, будем радоваться солнцу и свободе...

Но осенью... С первыми желтыми листьями... Каждый студиец вновь услышит в своем сердце зов: «Иди!», и уже ничего не сможет с этим поделать...

Проклятая близорукость!

МНЕНИЯ ЗРИТЕЛЕЙ

Никита Хлопков

У нас лучшая театральная студия в Москве. Спасибо Терехову и всем создателям спектакля.

Нет предела совершенству, и я думаю, что нашей гимназической студии есть, к чему стремиться. Но уже сейчас виден огромный потенциал.

Ольга Степанова

Удивило то, сколько идей можно передать одним спектаклем, сколько «крылатых» фраз осталось в сознании многих. И теперь в порядке вещей звучат по гимназии бессмысленные для непосвященных «Почему я не лужайка?», или «Мне больно глотать».

ПРОЩАЙ, ЛУИЗА

По традиции наша газета после каждой премьеры отмечает открытия года – актеров, которые наиболее ярко дебютировали в новом спектакле. В последние несколько сезонов делать это все труднее – так высоко и ровно мастерство исполнителей. Разве не великолепно играли в день своего дебюта Настя Артемчук (трогательная Эльза), Костя Смятских (инфернальная Тень) и Глеб Евстропов (добродушный Христиан)? А искромётные Маша Зубкова или Даша Буданова? А запутавшаяся госпожа Доктор (Саша Колесниченко)? И все же... Большинство зрителей выделяет как главное открытие года капризную, но очаровательную Принцессу в исполнении Елены Добрецово. И сам режиссер спектакля соглашается с этим. Предлагаем вашему вниманию маленькое эссе Лены о своей героине.

Я боюсь превратиться в лягушку...

Елена Добрецова

...Ну вот и прозвучали последние аплодисменты, опустел зал. Я дома. Кругом охапки цветов. Ну что, принцесса Луиза, пора прощаться... Подойду к зеркалу и в последний раз – пока еще не смыт макияж – взглянусь в твое лицо, в твои глаза.

Как же мне будет не хватать тебя – моей первой роли, моей Принцессы! Я так полюбила тебя, так привыкла, что ты рядом. Твой характер не слишком сложен, но играть его мне было по-настоящему интересно.

...Луиза – девочка, которая росла в «тепличных» условиях до того момента, пока ее отец – король небольшой страны – не умер. Перед смертью король оставил завещание, в котором попросил Принцессу – свою единственную дочь – выйти замуж за «незнатного, не отравленного дворцовым воздухом» человека, который смог бы сделать ее счастливой и при этом хорошо править страной.

Она добрая, милая и наивная девушка, но «такая уж должность королевская, что характер от нее портится», поэтому нередко Принцесса ведет себя как капризный и избалованный ребенок. Сцена с Министром перед финалом, наверное, самый яркий тому пример. Также она, во многом из-за своего юного возраста, совершенно не разбирается в людях: не случайно ведь поверила в то, что Ученый мог предать ее, а Тень – по-настоящему полюбить. Своего собственного мнения у нее нет, поэтому она, порой даже не осознанно, повторяет чужие, явно не принадлежащие ей слова и мысли. Во время своей первой встречи с Ученым, она, например, говорит, что все люди негодяи и что ей «все равно». Но ведь эти слова, а особенно интонация,

с которой она – юная девушка – их произносит, изначально явно принадлежали совсем не ей, а какой-нибудь взрослой, знающей жизнь женщине, вроде госпожи Доктора.

А еще она совершенно не умеет принимать самостоятельные решения и из-за этого порой сама не знает, чего хочет. В сцене на балконе, после того как Ученый признался ей в любви, она говорит ему: «Уйдите... Или нет!!! Нет... Я уйду, но если вы завтра осмелитесь... не прийти сюда на балкон, я... я прикажу... Нет... Я просто огорчусь». Именно поэтому ей всегда нужна рядом опора, человек, который все бы решал за нее. Такая девушка, как Принцесса, просто не может, не умеет быть одна. Отсюда ее странные «переключения». Сначала она вроде бы счастлива с Ученым, но потом, когда Тень рассказывает о его «предательстве», она, не задумываясь, принимает это и уже собирается выйти замуж за Тень. Потом он тоже поступает с ней грубо, жестоко, и теперь ей снова кажется, что она любит Ученого. Но когда Ученый все-таки отказывается от нее и уходит с Эльзой, она возвращается к Тени, потому что... Ей же нужно к кому-то прислониться!

Мне жаль тебя, Луиза, – ты в итоге осталась с человеком (ой, с человеком ли?), который совсем не любит тебя. Он с Принцессой только потому, что хочет власти. А ты... Ты, оставшись с ним, убила в себе то светлое, искреннее и живое, что в тебе было. Каким холодным и безразличным стал твой взгляд в финальной сцене спектакля, куда делась улыбка, восхитившая ученого при первой встрече с тобой!

...Прощай, Луиза. И Бог тебе судья...

Какая я несчастная девушка!

ПЬЕСА ЖИВЕТ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

Анастасия Артемчук

В этом году я поступила в нашу школьную театральную студию. Это было долгожданное событие. В постановке этого года, по пьесе Шварца «Тень», мне досталась одна из ведущих ролей, что было уже само по себе приятно. Эта роль Эльзы, дочери владельца гостиницы Пьетро, далась не легко, во многом пришлось измениться. И вот, после долгой и напряженной, но, тем не менее, удивительно интересной и приятной работы, пришло время театральной недели.

День премьеры был окутан неизвестностью, волнение было колоссальным, несмотря на то, что играть премьеру предстояло Маше Наумовой. Выйдя в зал перед самым началом, я почувствовала страх перед всей этой толпой, страх за завтрашний день. Все время спектакля я провела за кулисами. Много удивило, например, непредсказуемость реакции зала, то внимание, с которым зрители наблюдали за происходящим. Все время хотелось вырваться на сцену, тоже играть.

За этот год я успела ко всем так привыкнуть, так всех полюбить. И на сцене, и за кулисами, чувствовалось, что Мы – команда, коллектив, семья. За это и за многое другое я всем безумно, искренне благодарна.

Наконец вторник. Предвкушение и волнение сопровождало везде, отвлекало от учебы, надо было себя чем-то занять, чтобы даже не думать о предстоящем действе. Когда уже наносили грим, облачение было со-

ответствующим, и приходил нужный настрой, я вспомнила самое важное: «Пьеса уже живет своей жизнью», – говорил Вадим Александрович; механизм был запущен. Когда я только вышла на сцену, я почувствовала множество напряженных взглядов, стало не по себе. Было сложно поначалу, надо было держать темп. Но потом я поняла, что уже даже не контролирую ситуацию разумом. Все шло изнутри. На эти два часа я полюбила Христиана-Теодора, невероятно сильно боялась за чужую жизнь, была простой и искренней, отбросила всю фальшь повседневной жизни. Я сама не ожидала, что так громко крикну свое «Нет!», так искренне зарыдаю от бессилия и страха, так естественно буду дрожать от волнения. Все это произошло само собой, я лишь знала, что сегодня я не Анастасия Артемчук, а просто Эльза.

Я не ожидала, что мой скромный дебют принесет такой успех. Во вторник спектакль пришли посмотреть самые дорогие мне люди. И они оценили его по достоинству. Самое приятное чувство пришло, когда выходили на поклон. Столько своих цветов я еще ни разу в жизни не держала в руках. И чувство того, что я их заслужила, сводило с ума. Придя домой, я не могла уже вспомнить, кто какие цветы мне дарил, кто какие слова говорил. Очень приятно было слушать, читать слова восхищения от незнакомых или малознакомых людей. Приятно было, что я произвела такое впечатление на людей, чувствующих искусство.

В четверг, по-моему, сыграли слабее, чем во вторник. Но несмотря на то, что для актеров были очевидны все минусы, зрители остались довольны. Реакция зала тоже играет свою роль!

Пятница была поистине тяжелым днем. Конечно, обошлось не без зависти, светлой и доброй, но все же зависти. Хотелось тоже выйти на сцену. И после спектакля моментально нахлынули эмоции.

Это был замечательный год, наполненный новыми, интересными знакомствами и принесший определенный опыт. Это только начало, но начало это многообещающее и приятное.

ПОЧЕМУ ЖАНР СПЕКТАКЛЯ ОПРЕДЕЛЕН ТАК – «ПОЧТИ СКАЗКА»?

Тамара Иванова

Почти сказка потому, что кроме разных сказочных элементов, вроде ушедшей тени, живой воды и людоедов ситуация совсем реалистичная. Спектакль показывает простые истины: что жизнь имеет свою теневую сторону, что люди изменчивы, а настоящая любовь не всегда бросается в глаза. Все как есть.

Маргарита Криночкина

Это «почти сказка» потому что обычно у них хороший, счастливый конец. А финал «Тени» совсем не счастливый. Все герои остались несчастны, и даже Эльза.

Владимир Казак

Потому что за сказочной внешностью скрываются проблемы реальной жизни. Принцесса, Тень, безусловно, сказочные персонажи, но их действия, поступки пусть и

слегка приукрашены, но близки настоящей жизни. Герои влюбляются, страдают, совершают ошибки – они больше похоже на настоящих людей, чем на идеальных положительных или отрицательных героев сказки. Взять, например, Ученого. Кто-то скажет, что этот персонаж абсолютно положительный, но мне так не кажется. Да, он добр, добр до наивности, но разве все его поступки можно назвать добрыми, разве похож он на сказочный идеал? Он обыкновенный человек, который следует зову собственного сердца и, естественно, совершает ошибки.

Глафира Леонова

Почему «почти сказка»? Сложный вопрос. Может быть, потому что, несмотря на необычный сказочный сюжет, ощущения вполне реальные. Кто знает, что может произойти с нами завтра?

СКАЗКА О СКАЗКЕ

Зинаида Гильдина

В этой печальной сказке было три дорожки. Одна вела собственно в сказку, в страшную, жесткую сказку. В таких обычно живут алчные министры, скользкие и проницательные журналисты и люди, убежденные, что все вокруг негодяи. Это мир теней. Место, где царит смерть. В нем нельзя радоваться прежде времени, впрочем, в нем вообще радоваться нельзя.

Вторая дорожка вела в мир живой и чистый. По этой дорожке шла одна милая Эльза. Окруженная ложью, жадностью, людоедством, она одна была настоящей и любила искренней любовью, не надеясь на ответ.

В спектакле была удивительная, пронзительная сцена, когда ослепленный красотой принцессы Христиан-Теодор уже не слышал, не видел, что происходит вокруг него. А Эльза, стоя в двух шагах от него, говорила: «Я никому не позволю тебя обижать, никому, никогда...» Она знала, что Христиан ее не слышит, иначе ни за что не посмела бы такое сказать.

Эльза с самого начала предупреждала Христиана, она знала, что он хороший человек, а значит, ему грозит беда. Но, как в любой уважающей себя сказке, герой не слышал предостережений. А Эльза, как какой-нибудь сказочный помощник, твердила все время: «Я тебе пригожусь!»

Третья дорожка змеей извивалась между двумя основными. По ней шла Юлия Джули. Она хотя и близорука, но с первой секунды увидела в Ученом человека, которого, быть может, искала всю жизнь. Она хотела и ему помочь, и не потерять свою славу, влияние, богатство. Воз-

можно ли это? Едва ли. У нее не злое сердце, но когда приходится делать выбор, она не способна жертвовать тем, что имеет.

На этом же пути и госпожа Доктор. Она была, наверное, когда-то такой же юной идеалисткой, как Христиан, но махнула на все рукой – жизнь заставила. Теперь Докторша живет маленькими радостями: вот поправился больной, вот дали командировку на два дня в Париж, вот о ней написали в газете – и фотография вышла удачная. Не так уж мало для обычной человеческой жизни. Кто из нас бросит в нее камень? Многие ли живут чем-то большим? Однако и она в кульминационный момент спряталась за зонтики, и она подтвердила, что Христиан сумасшедший.

А где же сам Христиан? С кем он, по какой идет дорожке? В нем было столько желания делать людей счастливыми, столько жизни, настоящих чувств и мечтаний, что, казалось, он непременно пойдет по одному пути с Эльзой, но жестокая сказка легко околдовала его. И вот, кажется, он падает, неизбежно падает в эту черную пропасть. Он так всецело отдался своему чувству к Принцессе, а потом еще и бумагу подписал, где отказывается от нее... И все это с глупой улыбкой, напоминающей универсальную улыбку Юлии Джули, и все это с такой глупой наивностью.

Его фигура чем-то напоминает короля, о котором рассказывала Эльза. Того самого, которого звали Людовиком Девятым Мечтательным, но почему-то мальчишки называли его не мечтательным, а дурачком. Послушайте, как мило это звучит: «Покорный, правда, часто показывал им язык, высунувшись в форточку, но ребята сами были виноваты. Зачем они дразнили его?»

Вот и Христиана в какие-то моменты хочется назвать не мечтательным, а дурачком. Особенно когда он в упор не замечает Эльзу. Когда по-детски верит, что все люди поймут

его, если он станет доказывать им бессмысленность королевской власти, когда он думает, что сможет, женившись на Принцессе, отказаться от короны, уехать прочь и делать людей счастливыми. Неужели это умнее, чем показывать мальчишкам язык в форточку?

Христиан-Теодор отчасти сказочник, не даром же его назвали в честь Андерсена. Ему дано преобразовывать реальность, и он, ослепленный любовью, бездумно выпускает на свободу свою Тень. Но с этого момента он перестает быть сказочником, потому что Тень зажила своей жизнью и Христиан оказался не способен управлять своим творением.

Казалось бы, как все просто: раз Христиан раздвоился, то теперь он может со спокойной совестью идти по одной счастливой дорожке с Эльзой, а его темная сторона, его тень останется с Принцессой и пойдет по пути, прямо противоположному. Так и случилось, скажете вы?

Меня терзают смутные сомнения. Меня пугает, что в Христиане не проснулась любовь к Эльзе, меня пугает, что он сам до конца так и не заметил, что она в него влюблена, ведь ему об этом сказали другие люди! Пугает его реакция на услышанное: «Это правда?», – удивленно, едва не испуганно спрашивает Христиан. Он спрашивает это так, что бедная Эльза вынуждена просить у него прощения. «Спасибо», – говорит он ей. За что он ее благодарит? За то ли, что она его любит? За это не нужно благодарить на словах, за это нужно любить в ответ. Или он вообще благодарит Эльзу за то, что она встала на его сторону и заступилась за него?

И уходит он с Эльзой не то из-за жалости к ней, не то из благодарности, но вряд ли из любви. Даже на поклон они выходят порознь, в то время как Тень с Принцессой берется за руки.

Очень печальная получается сказка. Во что же верить? Верить можно в то, что потрясающе трогательная Эльза «никогда никому не позволит его обижать» и, возможно, ее любви хватит на двоих. По крайней мере, мне хочется так думать.

НЕОПИСУЕМЫЙ КОКТЕЙЛЬ

Александра Колесниченко

Несмотря на то, что 2008 год – високосный, и подразумевается, что неудачный, для меня он оказался вполне счастливым. Я случайно попала в редакцию «Пугачёвки,6» и наконец-то поступила в театральную студию – сбылись две мои мечты (с этих слов уже можно начинать мне завидовать). Впрочем, статья будет не о моем везении, а о моем дебюте.

Скажу сразу, что мне сложно об этом писать: разве выразишь словами ту атмосферу, которая царила на репетициях, генеральных прогонах, за кулисами перед выходом на сцену. Нет слов, чтобы передать чувства, которые испытываешь, когда на сцене играет первый состав! Как ты переживаешь за них! Как, стоя в зале и стараясь разглядеть что-то за головами многочисленных зрителей, повторяешь слова роли. Это неопишувемый коктейль восторга, страха, тайны и волшебства...

Впрочем, я с удовольствием поделилась с вами мыслями о своей роли. Роль мне досталась сложная. Не очень большая, даже наоборот – она была второстепенной (чему я, честно говоря, порадовалась), а в смысле глубины характера. Я должна была на год стать госпожой Доктором. В пьесе Шварца такой роли попросту не существует, там Доктор – мужчина, с совершенно другой биографией, другими мотивами поведения. Играла я в паре с Татьяной Яковлевой Орловской, что, конечно же, не могло не доставлять мне удовольствия. И не только из-за общения с этим прекрасным человеком, но и потому что она мне здорово помога-

ла буквально во всем. Честно говоря, если бы не Татьяна, у меня бы наверное ничего не вышло...

За этот год я сумела влюбиться в свою героиню. Сначала мы долго друг друга не понимали. Мое гуманитарное подростковое сознание никак не хотело вмещать в себя переживания взрослой женщины. Не просто женщины, а женщины-медика, ученого. Я не понимала, как можно показать настроенность, скрытое беспокойство или же немые переживания, так как я в таких ситуациях испытывала бы прямо противоположные чувства. Сама себе я казалась нелепа на сцене, я тараторила текст, периодически забывая его, пугаясь, и из-за этого начинала тараторить его еще быстрее... О! Это был кошмар! Трудности, с которыми я столкнулась, казались неразрешимыми, впрочем как всегда.

Но, к счастью, мы с Вадимом Александровичем нашли выход из столь плачевного положения. Я начала воспринимать мою героиню не как себя, а как отдельную личность, которая умеет ошибаться и делать правильный выбор, симпатизировать и ненавидеть, бояться и жертвовать. И... мне стало жалко мою госпожу Доктора. Ведь, по сути, она заложница окружающего мира. Она всего лишь не боролась со злом, пыталась к нему привыкнуть, уживаться с ним. Когда на ее пути встретился Ученый, Доктор поверила в то, что он сможет спасти эту маленькую,

И давайте его съедим!

несчастную страну, делает всех

людей счастливыми. В попытке убедить Ученого от гибели она даже рассказывает ему о судьбе своего покойного мужа, тоже в какой-то степени боровшегося за счастье хороших людей и убитого Министром. Зритель, слушая ее исповедь, понимает, насколько несчастна эта женщина, которая смирилась и махнула на все рукой. Госпожа Доктор всего лишь слабая женщина, которая не может противостоять злу. Ее способность бороться почти умерла вместе с ее мужем, и помощь Ученому была предсмертной агонией. Доктор поверила в него, радовалась и переживала за него, а он ее – предал. Не забывайте, год все-таки високосный...

Эта роль, не берусь оценивать как, но все-таки сыгранная мной, очень многое мне помогла понять. Я благодарна судьбе, за то, что у меня была возможность прожить этот год не только вместе с театральной студией, но и с Госпожой Доктором.

ВАШИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ СПЕКТАКЛЯ «ТЕНЬ»?

Анастасия Зайцева

В нашей гимназии удачные спектакли – это уже традиция. И сказать, что мне понравилось – это, в принципе, не сказать ничего, потому что я не видела ни одного человека, которому бы спектакль не понравился. И я думаю, в этом нет ничего необычного, целый год работы – это немало...

И все-таки... Больше всего мне понравилось, как порой неразличимо переплетается Шварц с режиссерскими «переделками», световыми и музыкальными эффектами, юмором... Конечно же, наши дорогие актеры, которым уже заранее готовы простить любые ошибки хотя бы за

то, что они свои. Но, к удивлению, прощать ничего не приходится – потому что им веришь... И, наконец, яркая, запоминающаяся концовка – своеобразные итог, который действительно впечатляет.

Маргарита Криночкина

Уже не первый год ставка идет на определенных участников театральной студии. Второй состав был лучше, по моему мнению. Очень порадовала игра новичков студии (Г. Евстропова, К. Смятских, А. Артемчук), в их исполнительные образы были намного ярче, целостнее.

Но в целом спектакль хороший. Особенно яркий момент – выход режиссера в costume Тени.

СДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО МОЖЕШЬ...

Евгения Клыкова

И вновь премьера, и новая пьеса – «почти сказка» – как отражение самой обыденной, реальной жизни. Не правда ли, жизнь в сказочном королевстве самая настоящая, не волшебная, не игрушечная? А то, что спящая красавица, которая жила неподалеку от салона красоты, умерла от истощения, что многие лодоеды вынуждены подрабатывать налоговыми инспекторами, и об этом не знает никто и знают все, – ведь это бывает так часто. В этой сказке люди живут «как принято», они боятся любых, даже самых незначительных перемен. Что же говорить о появлении «простого, честного человека», так сильно от них отличающегося; человека, который не лжет (и это всем странно), искренне любит (и это не принято), не способен на предательство (и это оборачивается против него), хочет сделать счастливым весь мир (а это просто считается неизлечимой болезнью, безумием)!

В этом сказочном мире «лучшие люди», привыкшие хитрить, притворяться и в то же время знающие друг о друге все, совершенно теряются, встретив человека, который прост и честен настолько, что становится абсолютно непредсказуемым в своих мыслях и поступках. Люди боятся «заразиться» этой ужасной «болезнью», которую несет в себе Христиан-Теодор: Юлия впервые замечает в себе какое-то подобие душевных страданий и тут же называет это мешанством, она начинает чувствовать боль за судьбу Ученого, но страдание не принято в обществе, и она не находит в себе сил совершить поступок и назвать настоящую Тень те-

ню, поставив тем самым под угрозу свою «звездность».

В этом мире Христиана понимают только двое: его Тень и Эльза. Тень знает о своем хозяине все, знает глубины его характера, но она была «свое место», возмнила себя повелителем не только страны, но и души Христиана-Теодора.

«Она ни за что не простит ему, что когда-то была его тенью...» Но она и никогда не сможет понять, чем так сильно отличается от него. Тень знает все о полумраке душ, ей никогда не понять светлой стороны мира, той, где царит любовь. «Любовь творит чудеса». Но рассказанные сны –

не чудо, ведь они «находятся в близком родстве с тенями»... А Тень не способна постигнуть настоящую силу любви, и любовь никогда не может, не воскресит Теодора-Христиана, как воскресила его хозяина беззаветная любовь Эльзы.

«Какая печальная сказка!..» – говорит Христиан-Теодор, но продолжает бороться, верить в то, что возможно абсолютное счастье, счастье для всех, для всего мира. Он не может просто «пожать плечами» и «махнуть на все рукой», как это сделала госпожа Доктор, хотя его уговаривают поступить именно так, пытаюсь спасти от смерти. Пытаясь сломить его волю, втянуть в пустую жизнь... Это ведь то же самое, что предложила своему хозяину Тень в качестве «помилования»: покориться, отступить от самого себя и

стать Тенью. Будет почет, слава, богатство... Но это все – лишь пародия на жизнь.

Выбор есть. Но его и нет.

Казнь... Страшно умирать... Живая вода, которая воскрешает хорошего человека, «чтобы плохой мог жить»... И вот боится Теодор-Христиан. Боится, как боялся совсем недавно его хозяин. Вот только страх этот другой. Чтобы обеспечить жизнь себе, Тень готова пообещать все, что угодно, но Христиан-Теодор уже принял решение.

Этот «безумный, несчастный мир»... Но что эти люди знают о счастье, о любви? Они не потерпят, если их сделают счастливыми насильно, всех до одного, если «в моду войдет быть хорошим человеком». Они не простят того, кто подарит им новую жизнь, если поймут,

что и они тоже – всего лишь пародия, тени.

Пожать плечами... Взять за руку человека, который любит, который живет сердцем, а не расчетом. И уйти, оставив Тень на троне, а Принцессу в ее объятиях... А ведь Принцесса так боялась превратиться в лягушку... Но это уже неважно. Он сделал все, что мог. И он смотрит сквозь пальцы на мир, который оставляет... Что там еще осталось? Ах да, махнуть на все рукой. И он это делает. Он все-таки научился.

Все наладится, образуется,
Виноватые станут судьями.
Что забудется, то забудется,
Сказки сказками,

Будни буднями...

Ах, зачем я же лужайка?!

ГОУ гимназия №1505

«Московская городская педагогическая гимназия-лаборатория»

107061 Москва 2-я Пугачевская, 6 каб. 24
телефон 964.33.60

Пугачёвка, 6

Театральное приложение

Театральное приложение, май 2008

Главный редактор Колчугина О.П.

Мнение авторов не обязательно совпадает с позицией редакции

Над номером работали:

Надежда Белякова, Яна Климков,

Александра Колесниченко,

Н.Н. Рубина

Фотографии В.Б. Крапила,

Ольги Ноздрачевой, Александра Сотникова

Фотоколлаж на первой странице

Анны Николаевны Ноздрачевой